

Ольга Юркина

Динамика семантики слова "просвещение" в русском литературном языке середины XIX века

Studia Rossica Posnaniensia 31, 187-195

2003

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ДИНАМИКА СЕМАНТИКИ СЛОВА „ПРОСВЕЩЕНИЕ”
В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

DYNAMISM OF THE MEANING OF “PROSVESHCHENIE”
WORD IN LITERARY RUSSIAN OF THE MIDDLE OF 19TH CENTURY

ОЛЬГА ЮРКИНА

ABSTRACT. The work is devoted to the semantic changes of the word “enlightenment” in the Russian literary language (the middle of the 19th century); the research is done taking into account the evolution of its long-standing meanings in the Old-Russian language and in the 18th century. The influence of the semantic continuity of this word on the character of its use in texts of various ideological types is considered in the paper.

Ольга Юркина, Сыктывкарский государственный университет, Сыктывкар, Россия.

Слово *просвещение* принадлежит к числу „ключевых слов” русской духовной культуры, история которых, по мнению Ю. Степанова, есть „история нашего мировоззрения”¹. Подобные отвлеченные слова-понятия (*разум, цивилизация, закон, правда*) в ходе своего формирования в языке „запечатлевают основные ценностные ориентиры общества”², поэтому процесс их создания „уже сам по себе” является „актом культуры”. Метод концептуального анализа таких лексем путем исследования их этимологии и истории употребления и интерпретации „дает возможность проследить особенности мышления, мироощущение человека, народа”, так как, „включаясь в культурный контекст”, они „становятся «ключом» к пониманию самой культуры”³.

В древнерусском языке слова *просвещать, просвещение* наряду с прямым значением „давать свет, озарять” выражали идею духовного совершенствования, прозрения. Ср.: *Просвещати*: ‘просвещать, совершенствовать’ (Свет Христов *просвещает* всех нас; От тьмы к свету приближающиеся, очи и сердце *просвещаем*); *Просвещение*: ‘духовное просвещение’ (*Просвещение* Святого Духа

¹ Ю.С. Степанов, *Слова „правда” и „цивилизация” в русском языке*, „Известия АН СССР. Серия литературы и языка” 1972, т. 31, вып. 2, с. 166.

² А.Д. Васильев, *Динамика лексики и история культуры*. В: *Язык и культура: третья международная конференция. Доклады*, Киев 1994, с. 85.

³ А.Г. Лисицын, *К проблеме концептуального анализа*. В: *Язык и культура...*, ук. соч., с. 99.

приим)⁴; *Просветити*: ‘ниспослать кому-л. озарение (о Боге и божеств. силах); просветить, наставить (преимуш. в религ. отношении)’; *Просвещаться*: ‘получать озарение свыше; совершенствоваться (в умственном и духовном отношении)’; *Просвещение*: ‘умственное и духовное совершенствование, просвещение’⁵.

В XVIII веке эти слова получают новые осмысления. В текстах разных жанров и стилей сосуществуют следующие смысловые контексты лексемы *просвещение*⁶: 1) ‘освещение’; 2) ‘умственное и духовное совершенствование; откровение, наставление’. В этом случае содержание слова близко его семантике в древнерусском языке; а в некоторых контекстах наблюдается актуализация исходного образа внутренней формы лексемы: „Такие люди *света лишенной душе просвещения*, а *слепым глазам прозрения* дать не могут” (Монтень, *Опыты*, перев. Волочкова). В отдельных сочетаниях: *Божественное просвещение*, *Источник просвещения* – содержание лексемы может осмысляться как ‘воздействие свыше на сознание человека с целью передачи ему истинных понятий о чем-л.’: „Что ж касается до того, каким образом все оныя науки [...] возрастали, то, во-первых, *от Божественнаго просвещения* разумным человекам *открыты*” (Нартов); „Но сверх понятия исторического [...] есть еще [...] *источник познания* важнейший, благороднейший и превосходнейший [...] Божественное Откровение вышеестественных вещей [...] Сей *источник познания и истинного просвещения* тем важнее, чем он чище и совершеннее в своем существе, и чем более *распространяет тесныя пределы человеческого познания* там, где ум наш *останавливается и далее проникать не может*” (Чеботарев); 3) ‘знания, верные сведения из какой-либо области, а также процесс их получения’. В таких контекстах также может происходить актуализация в содержании лексемы образных коннотаций, связанных с ее исконным значением ‘освещение’, что обусловлено лексико-грамматической позицией существительного *просвещение* в сочетаниях с „вещественными” глаголами: „*дать просвещение на что-л.*”, „*излить просвещение*”, которые устойчиво согласуются в языке со словом *свет*: „Оно (сочинение) неочененно *просвещением, которое изливает* [...] *на Географию*” (перев. Энцикл.). При этом происходит взаимодействие в семантической структуре лексемы двух смысловых планов: образного (‘осветить, озарить’) и понятийного (‘сообщить, передать знания о чем-л.’); 4) ‘образование, просвещенность, культура’. В рамках этого значения также возможны случаи образного применения слова *просвещение* в составе сравнения или метафоры: „Естьли язык книжный отделится, если он не последует за переменама [...] во нравах и понятиях, то

⁴ И.И. С р е з н е в с к и й, *Словарь древнерусского языка в 3 тт.* (репринтное изд., Санкт-Петербург 1565), т. II, ч. 2, Москва 1989.

⁵ *Словарь русского языка XI–XVII в.*, вып. 20, Москва 1995, с. 211.

⁶ Семантические варианты лексемы *просвещение* были выделены на основе анализа материалов *Картотеки Словаря языка XVIII века ИЛИ РАН*.

весьма скоро делается темным [...]. *Просвещение*, вместо того, чтобы *развиваться и подобно лучам утреннего солнца*, играющим сперва на вершинах гор, *проникать* напоследок в места *самья глухия – ограничится теснейшим кругом*” (Макаров); „Ты [...] оставил данный тебе от Бога венец [...] и простым видом *скрываешь лучи своего Величества для моего просвещения*” (Ломоносов). Вариантом данной разновидности является употребление слова в „процессуальном” значении⁷: „распространение среди кого-л. науки, образования, культуры”: „*по мере просвещения каждого народа*” (Поденщина). При этом в некоторых контекстах усиливаются важные для культуры XVIII века смысловые аспекты: ‘воспитание, облагораживание’: „*просвещение нравов народных*” (Зыбелин).

Ключевым для идеологии эпохи Просвещения оказывается применение лексемы *просвещение* в составе сочетаний *просвещение ума, разума* в значении: ‘наставление; очищение разума от ложных, предвзятых понятий, заключений’ (САР)⁸; при этом часто в контекстах происходит актуализация дополнительного смыслового компонента: просвещение как ‘объективный процесс постепенной эволюции человеческого разума в противоположность его прежнему варварскому состоянию’. В таких высказываниях сопутствующие слову синонимические выражения *степени человеческого разума, степени (эпохи) просвещения, усугубление сил разума, шаги разума человеческого, преобразование в мыслях и понятиях* нередко противопоставляются выражениям-понятиям *варварство, дикость, невежество, предубеждение, предрассуждение, скотствование, грубость, младенчество человеческого разума*: „Открыты нам [...] средства к исследованию народов в [...] преуспеяния по таким [...] состояниям, по которым они, начинаясь от *первобытного* своего общежития со зверьми *восходили до высочайшего степени* величества и *просвещения*” (Зыбелин). Реже встречаются в данный период варианты: ‘уровень развития сознания, умственные способности’ („И по *врожденному* Своему *просвещению* усмотрел”) (Ломоносов); а также ‘высокий уровень развития общества, предполагающий и социальное благополучие народа’: „Возможно ли [...] чтоб *сия наружность не показывала ясно, что в стране сей обитает просвещение?* [...] *сии средства блаженной жизни*, естли они *принадлежат малой части жителей* страны, конечно не могут служить *верным отличительным знаком просвещения*; однакож [...] и посредственные городские жилища все [...] не смиренные хижины” (Панкевич).

Итак, почти во всех семантических вариантах употребления слова *просвещение* в XVIII в. возможны случаи его образного применения и оживления исходной семантики ‘освещение, свет’, благодаря чему образуется некое целостное семантическое единство.

⁷ Русская грамматика, т. 1, Москва 1982, с. 157, 161.

⁸ Словарь Академии Российской в VI ч., ч. IV, Санкт-Петербург 1789–1794, с. 387.

Словарь церковнославянского и русского языка (1847) приводит как исходное, так и производное значения лексемы *просвещение*: ‘осияние светом; обогащение ума познаниями’⁹. Однако в *Словаре языка Пушкина* отмечаются только производные значения, которые развивают идею духовного (интеллектуального и нравственного) совершенствования человека, общества: *Просветить*: привить, сообщить знания, распространить среди кого-н. знания, образованность, культуру; *Просветиться*: получить знания, стать образованным, приобщиться к культуре; *Просвещение*: действ. по глаголу *просветить* (*Просвещение* духовенства, ему подвластного, было главною его заботою. Он учреждал училища, беспрестанно поучал свою паству); просвещенность, образованность (Мрачная година протекла, И ярче уж горит *светильник просвещения*); выделяется оттенок ‘цивилизация, культура’ (Где благо, там уже на страже *Иль просвещение, иль тиран*)¹⁰ (в данном примере в антитезе *просвещение – тиран(ство)* в содержании слова усиливается дополнительный идеологический компонент: ‘свободное состояние гражданского общества’).

В критической прозе Пушкина встречаются смысловые вариации употребления слова *просвещение* в значении ‘просвещенность, образованность’: ‘достаточно полная система объективных знаний’ и ‘система этических понятий’. При таком осмыслении содержание лексемы становится в ряде случаев близким содержанию слова *воспитание*: ‘Недостаток *просвещения и нравственности* вовлек многих молодых людей в *преступные заблуждения*’; в статье *Джон Теннер* (1836) слово *просвещение*, выступая как синоним осваиваемой в данный период лексемы *цивилизация*, приобретает ироническую окраску под влиянием отрицательной авторской оценки устройства цивилизованной Америки, утратившей нравственные начала: ‘Уважение к сему новому народу [Аmericи] и к его уложению, плоду новейшего *просвещения*, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме [...] Все благородное, бескорыстное [...] – подавленное [...] эгоизмом и страстью к довольству (comfort); *рабство негров посреди образованности и свободы* [...]’¹¹.

В *Словаре Даля* в самом толковании новых значений слов *просвещение* и *просвещать* подчеркивается этический компонент в их семантике: *Просвещение*, ‘свет науки и разума, согреваемый чистою нравственностью; развитие умственных и нравственных сил человека; научное образование, при ясном сознании долга своего и цели жизни’. *Просвещать (кого)*: ‘даровать свет умственный, научный и нравственный, поучать истинам и добру; образовать ум и сердце (Ты просветил и наставил нас, Богочеловече!)’¹².

⁹ *Словарь церковнославянского и русского языка в 4-х тт.*, т. 3, Санкт-Петербург 1847, с. 552.

¹⁰ *Словарь языка А.С. Пушкина в 4-х тт.*, т. 3, Москва 1959, с. 836.

¹¹ А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений*, т. 5, Москва 1954, с. 25, 250.

¹² В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт.*, т. 3, Москва 1989, с. 508.

В произведениях художественной, научной и публицистической литературы XIX века представлены разные семантические варианты слова *просвещение*¹³:

1) Сравнительно часто оно применяется в значении ‘образованность, культура, просвещенность’, в котором его синонимами являются слова *ученость, образование*, а антонимами – *варварство, невежество*: „Все, что может истребить огонь, меч и *невежество*, гибло. Как враны, воцарилось племя Батыево над пустынями и кладбищами. *Варварство* заградило [...] свет с Запада и Востока. В монастырях только [...] *тлелись искры просвещения*” (к) (Марлинский, 1823); „Без [...] *просвещения* она (помещица) [...] не сознавала своих обязанностей по отношению к двумстам душам подвластных ей людей” (к) (С. Аксаков, 1858).

В ряде контекстов наблюдаются отличия в семантике лексемы *просвещение*. Может актуализироваться оттенок ‘распространение общечеловеческой культуры’: „В наш век *просвещение* неудержимо завоевывает мир для христианства и ислам исчезает” (к) (Хомяков); в других примерах на первый план выходит смысловой аспект ‘уровень развития сознания и культуры, образованности’: „Способность *чувствовать красоты* Эскиловых [...] *трагедий* свидетельствует о *высоком просвещении* и *строгом вкусе* Афин того времени” (к) (Грановский). Более распространен смысловой вариант, отмеченный в СЯП: ‘цивилизация, культура’, в котором семантика слова может осложняться коннотациями, связанными с отрицательной оценкой пороков и предрассудков светского общества, искажающих „естественную” природу человека: „Полезно ль *просвещенье*? Полезно, слова нет о том. Но *просвещением* зовем [...] *роскоши прельщенье* и даже *нравов развращенье*” (к) (Крылов); „С глубоким вздохом сожаленья / На юность светлую, исполненную сил, которую давно для *язвы просвещенья*, для *гордой роскоши* беспечно ты забыл” (к) (Лермонтов); ср. с содержанием лексемы *цивилизация* (в знач. ‘культура, образованность’): „Новиков, положивший основание *новой эре цивилизации России*, начавший *истинный ход литературы*” (к) (Герцен).

В сочинениях декабристов и западников, в частности, Герцена, употребление лексемы *просвещение* в значении ‘образованность, культура, просвещенность’ осложняется идеологическими семами – оно отражает влияние западного мировоззрения эпохи Просвещения и французской революции на формирование дополнительных семантических компонентов в содержании слова: ‘свободомыслие, прогрессивность общественно-политических взглядов, гражданское самосознание’, которые, по мнению авторов, являются показателями „истинного просвещения”: „Но в чем состоит *истинное гражданское просвещение*? [...] в *знании своих прав и своих обязанностей*” (к) (Н. Тургенев); „Когда *просвещение*, подобно Солнцу, озаряющему [...] весь шар земной, достигнет и до сих несчастных народов, – *самовластие исчезнет* [...] и стра-

¹³ В работе использованы материалы *Большой Картоотеки ИЛИ РАН* – в тексте (к).

давшие от долговременного своего малолетства народы выйдут из-под опеки самовластья, возбужденные новыми силами и *новыми убеждениями*” (к) (Фонвизин).

В сочинениях А. Герцена усилению идеологического компонента способствует сочетание слова с соотносимыми с ним по смыслу или противопоставленными ему словами-идеологемами: *революция, Европа – деспотизм, самодержавие*: „Деспотизм громко говорит, что он не может ужиться с *просвещением*” (к) (из письма Грановского, 1850); „Для того чтоб *отрезаться от Европы, от просвещения, от революции*, пугавшей его с 14 декабря, Николай [...] поднял хоругвь православия, самодержавия и народности, отделанную на манер прусского штандарта” (к); „В Петербурге *просвещение* заменено *газовым освещением*” (к) (*Былое и думы*, 1852–58). В последнем случае отрицательная оценка петербургского „просвещения” создается за счет иронического обыгрывания внутренней формы слова в рамках антитезы *просвещение – газовое освещение*, которая подчеркивает уровень развития современной цивилизации, враждебной настоящей культуре и ограниченной достижениями в материально-технической сфере.

В то же время актуализация смыслового аспекта ‘стремление к объективным знаниям, поиск истины’ может наблюдаться и в контекстах других авторов. Однако в их трактовке этот компонент значения слова лишен политической окраски: „*Просвещение* бессмертно, ибо оно не имеет вне себя никакой цели, обыкновенно называемой *пользю*, но есть *само себе цель* и в *самом себе заключает свою причину*, как *внутренняя жизнь сознающего себя духа*” (к) (Белинский). С этим индивидуальным употреблением сближается применение лексемы *просвещение* в контексте статьи К. Аксакова: „Он [Ломоносов] *не мог знать просвещения – все оно было в нем, в его стремлении*; самые *передовые знания* были ему *неизвестны*; вдали от *наук, от движения мысли и знания*, он *один томился неопределенною, глубокою жаждою просвещения*” (к). В данном примере сопоставляются два различных осмысления слова *просвещение*: ‘совокупность научных знаний, приобретенных человечеством’ и ‘природное стремление человека к познанию истины, поиск объективных сведений о реальности’.

С другой стороны, для идеологии самих декабристов, помимо соотношения понятий „просвещение” и „свободомыслие, гражданское самосознание”, не менее важной оказывается связь слов-понятий *просвещение* и *нравственность*: „Мы подразумеваем под словом «*просвещение*» *образование ума и сердца, развитие наших нравственных и физических способностей*” (к) (Пестель).

2) Высокий уровень развития цивилизации, культуры: „Ведь карета есть *важное произведение просвещения?*” (к) (Одоевский).

3) Просвещение как ‘тип культуры, образования и воспитания’. При реализации этого значения лексема, как правило, сопровождается определением, которое указывает на отношение данного „типа образования” к определенному обществу. В таком применении слово может приобретать как поло-

жительные, так и отрицательные коннотации: „Все европейское просвещение, которое пришло [в Константинополь], – все оно средней руки, конторского типа [...] умеренное и аккуратное [...] пригодное для того, чтобы женщина, вкушившая его, была примерной женою конторщика, конечно, примерного и аккуратного и [...] вкушившего того же самого *аккуратно умеренного просвещения*” (к) (Г. Успенский).

Примеры содержательной разработки данного аспекта слова-понятия особенно показательны в контексте идеологических дискуссий, происходивших в России в середине века, в частности, в произведениях славянофилов. Так, в статье И. Киреевского *О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России* (1852) лексема *просвещение* применяется для обозначения ‘специфики духовно-мыслительной деятельности, свойственной данной культурно-этнической общности’: „Мы много беседовали с вами о *характере просвещения европейского* и об его *отличиях от характера того просвещения России*, которое принадлежало ей в древние времена и которого следы [...] проникают [...] всю душу, весь склад ума, весь [...] *внутренний состав* русского человека, не *переработанного* еще *западным воспитанием*”; „Общее мнение [...] что *различие между просвещением Европы и России* существует только в *степени*, а не в *характере* [...] в *духе* или *основных началах образованности*”¹⁴. Выделив те признаки, на базе которых противопоставляются русский и западный типы просвещения, – господство в характере последнего „надежды на всемогущество отвлеченного разума, не признающего другого источника истины, кроме собственных выводов”, автор развивает идею самобытности „русского просвещения”, выражающего иное направление „внутреннего сознания человека”, связанного с высшими истинами ума, лежащими „вне [...] диалектического процесса логического разума Европы”, который „оторван от других источников познания, от своей исконной совокупности с общею деятельностью других сил человеческого духа” (203). Если западное просвещение „развилося” из *образованности* Рима, то *русская образованность* сложилась под влиянием византийского просвещения восточного типа – связанного с „*цельным пониманием внутренней, духовной жизни*” и „*живым, непредупрежденным созерцанием внешней природы*” и в своем стремлении к „*истине умозрения*”, противопоставляющего западной „*односторонности [...] рассудочного направления*” „*внутреннюю цельность разума*”, то „*средоточие умственных сил, где все отдельные деятельности духа сливаются в одно живое и высшее единство*” (217, 221).

В подобных контекстах подвергается сомнению и однозначное применение в литературе слова *цивилизация* как обозначения только современной европейской культуры и происходит переосмысление противопоставления *западной образованности русскому варварству*: „Тогда русские ученые [...] обра-

¹⁴ И. В. К и р е е в с к и й, *Избранные статьи*, Москва 1984, с. 199. Далее все цитаты приводятся в тексте по этому изданию, с указанием в скобках номера страницы.

тели [...] взор *внутрь себя и своего отечества* и, изучая в нем *новые [...] элементы умственной жизни*, поражены были странным явлением: они [...] увидели, что почти во всем, что касается до России, ее истории, ее народа, ее веры, ее *коренных основ просвещения* и явных [...] *следов этого просвещения на прежней русской жизни, на характере и уме народа*, – почти во всем [...] они были до сих пор обмануты [...] потому что [...] *пристрастие к западной образованности* и безотчетное *предубеждение против русского варварства* заслонили от них *разумение России*” (205).

Указанные смысловые различия в употреблении разными идейными течениями русской мысли XIX века семантически родственных слов-понятий *просвещение* и *образованность*, отражающих различную направленность духовно-интеллектуальной деятельности человека, сопровождаются, таким образом, усилением идеологических коннотаций. Ср.: употребление слов *просвещение* и *цивилизация*, ориентированное на западные ценности, в полемическом *Письме к Гоголю* (1847) Белинского: „Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме [...] а в *успехах цивилизации, просвещения, гуманности*. Ей нужны не проповеди [...] не молитвы [...] а пробуждение в народе *чувства человеческого достоинства [...], права и законы*, сообразные не с учением церкви, а с *здравым смыслом и справедливостью* и *строгое [...] их выполнение*” (к) – и применение лексем *просвещение* и *образованность* в статье И. Киреевского, отражающее разные точки зрения на сущность данных понятий: „У нас (говорили тогда) было прежде только *варварство: образованность наша* начинается с той минуты, как мы начали *подражать Европе* [...] опередившей нас в умственном развитии” (200); „Начала *просвещения русского* [...] отличны от тех элементов, из которых составилось *просвещение народов европейских* [...]. Русскому человеку [...] надобно было почти *уничтожить свою народную личность*, чтобы *сродниться с образованностью западною*, ибо и *наружный вид, и внутренний склад ума* [...] были в нем следствием совсем *другой жизни*, проистекающей совсем из *других источников*”; „Любовь к *просвещению* (европейскому знанию, искусствам и образу жизни) была его (Петра I) страстью. В нем одном видел он спасение для России, а источник его видел в одной Европе. Но его убеждение пережило его целым столетием в *образованном или, правильнее, переобразованном* им классе его народа, и тому тридцать лет едва ли можно было встретить мыслящего человека, который бы постигал возможность *другого просвещения*, кроме заимствованного *от Западной Европы*” (201).

Формированию в 40–50-е гг. XIX в. в русской литературе особого взгляда на сущность понятия „просвещение”, отличного от „западнического”, способствовало также оригинальное, связанное с актуализацией исходных компонентов семантики слов *просветить* и *просвещение*, их употребление в „Выбранных местах из переписки с друзьями” Гоголя (1847): „Мы повторяем [...] еще бессмысленно слово *просвещение*. Даже и не задумались [...] откуда пришло это слово и что оно значит. Слова этого нет ни на каком языке; оно

только у нас. *Просветить* не значит *научить*, или *наставить*, или *образовать*, или даже *осветить*, но *всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не только в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь*” (к).

Итак, 1) в произведениях XIX века сохраняется смысловая связь лексем *просвещение* и *просвещать* с вариантами их употребления в древнерусском языке и языке XVIII века, что связано, в первую очередь, с актуализацией в контекстах их исконной семантики ‘свет, освещение, озарение’; 2) в противопоставлении „варварство” – „просвещение” проявляется близость содержания лексемы *просвещение* актуальному для культуры XVIII века смысловому аспекту: ‘объективный процесс эволюции человеческого разума в противоположность его прежнему варварскому состоянию’; 3) в ходе смыслового сближения в текстах слов-понятий *просвещение*, *воспитание*, *культура* проясняется также основополагающий для древнерусской эпохи нравственно-этический компонент семантики слова: ‘умственное и духовное совершенствование’, связывающий его содержание в предыдущий период развития русского языка с теми его образно-идеологическими применениями, которые способствовали в произведениях Н.В. Гоголя и славянофилов формированию идеи особого характера „русской образованности” в отличие от „образованности западно-европейской”; 4) наблюдаемые в текстах разной идеологической направленности середины XIX в. смысловые различия в содержании лексемы *просвещение*, отражающие мировоззренческие позиции их авторов, подтверждают мысль о том, что в области ключевых слов культуры „семантика языка пересекается с семантикой культуры”, то есть значения абстрактных слов-понятий в данный период развития языка „всегда соотносятся с [...] идейным содержанием той или иной теории, отдельного значительного произведения, или просто с распространенным в обществе убеждением или взглядом”¹⁵.

¹⁵ Ю. Степанов, ук. соч., с. 174, 172.